Как бы Корентайн ни тренировалась, против природы не попрёшь. Она всё ещё оставалась талантливым и одарённым ребёнком, но всё ещё ребёнком. Поэтому споткнувшись о неровность на дороге, малышка полетела вперёд, буквально рухнув у ног Маргариты Валуа. Тем не менее букет не пострадал, а потому Корентайн, упрямо борясь с выступившими от обиды и боли слезами, протянула его женщине, известной в будущем, как королева Марго!

Дочь Екатерины Медичи оказалась холодной и равнодушной женщиной. Тем не менее, зная, что их окружают толпы людей, она наклонилась и милостиво приняла букет, поблагодарив ребёнка за искренность поздравлений.

Корентайн с трудом удержалась от презрительной улыбки. В этом обмене любезностями не было ни унции искренности. Ей самой дела не было до Маргариты, а той вовсе не хотелось быть здесь и с этим мужчиной. А вот Анри Корентайн понравился.

Он совершенно не соответствовал своим портретам, разве что цветом волос, и, конечно, мало кто из современных киношников угадал его внешность. Скуластый, с волевым, но не квадратным подбородком тонким носом, кончик которого самую чуточку опускался, придавая молодому человеку хищный вид. Резко очерченные брови и внимательные, умные глаза цвета холодной стали или грозового неба.

Когда Корентайн встретилась глазами с мужчиной, она инстинктивно всхлипнула и потянулась вытереть слёзы с лица, которые, как говорила мать из её прошлой жизни "не красят женщину!", но в этот момент мужчина, который занимал многие мысли Корентайн ещё в той, прошлой жизни, опустился перед малышкой на колени, аккуратно взяв её ручки в свои.

– Нужно смотреть под ноги, малышка, чтобы не упасть.

Чёрт знает, кто её тянул за язык, но Корентайн тут же звонко произнесла:

– Но для того, чтобы подняться на вершину, нужно смотреть в небеса!

Этот ответ так понравился Генриху Наваррскому, что он в голос рассмеялся. Достав платок и осторожно вытерев руки девочки, чтобы убедиться, что под дорожной пылью лишь небольшие ссадины, Анри уверенно поднял малышку на руки и понёс её по дорожке, оставив молодую супругу позади.

Девочка, недолго думая, сунула цветок, который, в отличие от букета Маргариты, был искусственным, за пазуху будущему королю, обняла его за шею и шепнула так, чтобы даже если бы хотели, другие не смогли услышать:

– Анри, прошу Вас! Покиньте Париж с верными людьми до ночи двадцать четвёртого августа! Всех, кто поддерживает Вас, кто нужен Вам, отправьте прочь!

Она хотела дать ещё несколько советов, но не стала. Просто посчитала, что для первого раза и этого будет достаточно. Даже если Генрих считал слова девочки странными, он ничуть не изменился в лице. Передав девочку отцу, который почтительно просил прощения за поведение ребёнка, Анри снял с мизинца кольцо, которое надел на цепочку, где уже висел крестик Корентайн, и застегнул цепочку обратно.

– Пусть Бог хранит тебя, дитя!

И поцеловав ребёнка в макушку, вернулся к жене, чтобы покинуть место церемонии и отправиться на банкет. Конечно, на самом банкете девочке побывать не удалось, но кто-то из слуг принёс в отведённую ей с отцом комнату большой поднос сладостей. И хотя Кора не особо жаловала сладости, узнав, что их послал лично Генрих Наваррский, девочка не отказала себе в удовольствии съесть те, что были отдельно выложены на небольшое блюдце. Они не имели общего вида или определённой формы подачи, наоборот, в этом чувствовалась какая-то торопливость и неловкость. А потому оно казалось искренним. Лишь позднее благодаря болтливости слуг девочка узнала, что именно эту тарелочку Анри лично подобрал для неё на банкете, остальное попросив выбрать слугу.

Это было приятно. Тем более что вкус, как оказалось, у них во многом совпал.

Остальные же сладости девочка отдала служанкам, которые были безмерно счастливы такому угощению.

Кора же, поедая угощение и попивая ароматный травяной чай, любовалась кольцом, что подарил ей Наваррский.

Небольшой перстень изящной работы, скорее женский, нежели мужской, с изумрудом. Ничего особенного на вид, но Корентайн уже видела его, только более изношенный и потёртый, в будущем. Это было кольцо Жанны д'Альбре, матери Генриха Наваррского, и молодой человек очень дорожил им на протяжении всей своей жизни.

Почему же он отдал это кольцо ребёнку? Или то, что Анри им дорожил, враки? Так или иначе, это было прекрасное кольцо, которое Корентайн пришлось по нраву.

Антуан д'Эстре собирался остаться в Париже до конца торжеств, так как у него были какие-то дела, а Корентайн, хотя и понимала, что дела никакие он решить не сможет, не отговаривала отца от этого решения. Ей было интересно, как обернётся Варфоломеевская ночь теперь, после её слов.

Она не испытывала никаких ожиданий, так как просто проверяла, способна ли она изменить историю. А потому, когда ни двадцатого, ни двадцать первого августа Генрих Наваррский столицу не покинул, девочка лишь пожала плечами. Тем не менее двадцать второго август Анри слёг с несварение желудка, и не появлялся вплоть до двадцать четвёртого августа, когда даже в Лувре убивали всех гугенотов, до которых могли дотянуться.

Конечно, ребёнку никто бы не стал рассказывать правду, спроси она об этом, но Корентайн очень хорошо умела слушать. Как оказалось, план Екатерины оказался не столь успешен, как в известной Корентайн истории. Не все, но многие важные гугеноты покинули Париж до начала резни. Как и Генрих Наваррский, которого, как оказалось, не видели в Лувре с двадцать первого августа, когда он повздорил с супругой в саду, а после сказался больным. Новостей о том, что Анри сменил свою конфессию, в этот раз не появилось.

Это должно было в некоторой степени сгладить гнев гугенотов к будущему Генриху Четвёртому, королю Франции, но останавливаться было рано. Жизнь только начиналась!

* * *

К огромному сожалению Корентайн, деятельность отца происходила на севере Франции, в то время как активность Анри Наваррского была сосредоточена, в основном, на юге.

Однако если бы расстояние могло остановить юную Корентайн, она бы посчитала, что зря получила шанс на вторую жизнь!

Конечно, будь она лишена знаний и воспоминаний, всё сложилось бы иначе, но сейчас, имея в руках страшное оружие под названием "информация", девочка готовила всё заранее.

Когда они вернулись из Парижа после Варфоломеевской ночи, Кора "загрустила". Обычно подвижная и любознательная девочка часами пребывала в унынии, что первым заметил её учитель, Святой Отец Мишель Мортимер.

Когда после очередного урока истории девочка не стала спорить с ним в своей излюбленной манере, мужчина вывел её в сад, проветриться и поговорить.

Скажи ему кто-нибудь ещё год назад, что он будет вести столь серьёзные беседы с ребёнком, не достигшим трёх лет, Мишель рассмеялся бы ему в лицо, но сейчас он был очень заинтересован в том, что же повлияло на настроение его маленькой ученицы.

– Что тебя беспокоит, маленькая Кора? – в беседах наедине пастор позволял себе говорить с ней неформально.

– Я… – девочка заколебалась, поджав губы, но, покрутив цветочек на своей юбке, всё же набралась смелости, чтобы посмотреть на священника перед собой. – Скажите, учитель, – на уроках и наедине, девочка называла его так, а не Святой Отец, что Мишелю, честно говоря, очень нравилось. – Почему женщины получают такое слабое образование, в отличие от мужчин?

Мишель на миг растерялся. Девочка, что сидела рядом с ним на скамейке в свои неполные три года получала лучшее образование, чем любая дворянская дочь на мили вокруг, да и

дворянские сыновья далеко не все могли похвастаться таким количеством уроков, как она.

Словно почувствовав его сомнения, девочка продолжила извиняющимся тоном:

– Ах, нет, учитель, не подумайте, что я недовольна Вашими уроками! Это не так! Просто… Когда мы были в Париже, я могла послушать их разговоры… тряпки, мужчины, духи, украшения. Я у одной спросила, как она относится к канонизации Орлеанской девы, так та спросила у меня не только, что такое канонизация, но и кто такая "эта твоя дева", – передразнила чей-то писклявый голос малышка.

Конечно, она прекрасно понимала, что даже если женщина могла не знать, кто такая Орлеанская дева, то слово "канонизация" она знала точно. Просто удивилась, услышав его от малявки. Естественно, эти нюансы разговора Корентайн не собиралась сообщать своему учителю.

А тот не знал, плакать ему или смеяться.

Сам Мишель уже давно привык, что девочка ставит его в затруднительное положение своими необычными вопросами, на которые он мог как не знать ответа, так и не знать, как донести свой ответ до ребёнка.

Так и сейчас. Священник понимал, что, скорее всего, дворянка была огорошена таким вопросом от ребёнка, нежели действительно не знала, что на него ответить. Однако он не собирался говорить об этом девочке, чтобы не расстраивать её.

Вместо этого мужчина задумался, пытаясь дать тот ответ, который лучше всего мог поддержать тягу малышки к знаниям.

– Дело вовсе не в том, что женщины не получают хорошего образования. Уверен, заговори ты с ними на испанском, английском или немецком, и ты бы поняла, что они вполне образованы. Они, смею тебя уверить, знают литературу, многие умеют играть на, например, клавесине или мандолине, обучены придворному этикету, умеют читать и писать и даже вести бухгалтерские книги, так как обязаны уметь вести хозяйство. Просто немногих женщин интересует история или география, а тем более астрономия, как тебя, маленькая Кора. Тем не менее их нельзя назвать необразованными женщинами, просто их образование происходило в ином ключе…

Девочка кивнула, но всё ещё выглядела немного подавленной, а потому Мишель решил рассказать ей то, о чём изначально не собирался, так как месье д'Эстре прямо заявил, что не хочет растить из дочери синий чулок.

http://erolate.com/book/3457/83418